

Те, кто в первой половине года успел купить «Алмазную сутру», и те, кому она так и не досталась, наперебой кинулись скупать книги. Узнав об этом, набожные дворцовые евнухи, усердствовавшие в почтении к буддизму и даосизму, поспешили отправить своих слуг на поиски. Они даже заставили расспросить книготорговцев, где именно находится эта книжная лавка «Цзинчжутан» и откуда привечен столь умелый мастер буддийской живописи.

Увы, сколько ни допрашивали столичных книготорговцев, продававших сутры, те ничего не могли сказать о продавце. Они лишь разводили руками:

— Похоже, это частная печать. Хоть марка книгопечатни на них и стоит, самой лавки «Цзинчжутан» нигде не сыскать. Да и в обычные дни они ничего не продают: товара привозят по несколько партий только к трем праздникам — Цинмин, Омовению Будды да Сяюань. У них даже нет постоянного магазина для комиссионной торговли.

Вы же торгуете буддийскими канонами, а не весенними картинками! Чего ради неуважительно таиться и действовать словно призраки, вместо того чтобы открыться по всем правилам!

Но как бы то ни было, на этот раз они заранее узнали название «Цзинчжутан» и успели раздобыть сутры, так что теперь было чем выразить свое почтение. Однако подобные сутры ценились лишь до тех пор, пока оставались редкостью. Когда свиток всего один — это драгоценная дань, а когда дарится единожды — проявление искренней сыновней подносительности. Но если каждый преподнесет по несколько штук или десятков свитков, они превратятся в гору бесполезного хлама, и разве можно будет порадовать императора и императрицу-мать?

В день, свободный от службы, евнух Гао вернулся к себе в усадьбу и поделился своими переживаниями с родным племянником Гао Цянем, которого усыновил и воспитывал как родного сына.

Хотя евнух Гао не мог сравниться с Лян Фаном — фаворитом, ведавшим Дунчаном, — в императорском дворце он всё же пользовался определенным уважением. Гао Цянь благодаря дяде получил чин сотника Цзиньивэй и имел неплохие связи за пределами дворца. Услышав о затруднениях, он заметил:

— Я видел ту сутру. Печать на самом деле не столь уж изысканна и уж тем более не сравнится с дворцовыми свиткам на темно-синей бумаге с золотыми письменами. Вся ее прелесть лишь в ликах, столь похожих на работы красавицы Цуй. Отец, отчего бы вам не призвать живописцев в столицу, чтобы они нарисовали несколько картин прямо сейчас?

Евнух Гао вздохнул:

— Будто я сам этого не понимаю! Но я при дворе, а мои люди бесполезны. Где мне сыскать того мастера? Будь я на месте евнуха Ляна, держащего в руках Дунчан, разве стал бы я беспокоиться о поиске какого-то художника?

Гао Цянь уверенно возразил:

— Отцу не стоит падать духом. Найти красавицу Цуй не так уж сложно: говорят, в доме командующего-тунчжи Чэнь Ина есть одна из ее картин. К тому же сейчас на рынках полно подражаний ее стилю. Если и не отыщем оригинала, можно нанять искусного копииста, чтобы тот написал большое полотно с сюжетом из канона. Разве это не превзойдет мелкие рисунки из сутры?

Евнух Гао нахмурился:

— Эта красавица Цуй малюет страстных девиц да полуобнаженных мужчин, так что вряд ли она из приличного дома. Если лики Будды действительно принадлежат ее кисти, я не дерзну преподнести такое наверх. Ладно уж, пойду в Палату Вэньсы и найду кого-нибудь из придворных мастеров. Досадно только, что Его Величество уже привык к манере дворцовых художников, и в них нет той свежести, что встречается за стенами дворца.

Гао Цянь предложил:

— А может, я сам отправлюсь на поиски ради отца? Когда картина будет готова, просто подпишем ее чужим именем, да и дело с концом.

Евнух Гао со вздохом отмахнулся:

— Праздник Сяюань уже на носу, даже если найдешь кого-то, к молебну помощника командующего Вана всё равно не успеть. У меня нет под рукой ищеек из Дунчана, мне не сравниться с теми сановниками. На этот раз придется отказаться от этой мысли. Если отыщешь стоящего живописца, вели ему не спеша написать картину с пиром небожителей, а на праздник Юаньдань преподнесешь её императору.

Но то, до чего додумался он, разумеется, пришло в голову и остальным.

Едва в день праздника Сяюань во дворце начались молебны, как приближенные евнухи Лян Фан, Ли Жун и другие поспешили преподнести картины в покои драгоценной супруги. На одних свитках была изображена Гуаньинь с сосудом в руках — с лицом прекрасным, словно луна, и в белоснежных одеждах, струящихся подобно воде; всё было выполнено точь-в-точь в манере красавицы Цуй. На других была представлена проповедь Будды: лик Просветленного был исполнен величия, мочки ушей касались плеч, воплощая тридцать два великих признака и восемьдесят благих предметов; а у ног его восседали архаты с самыми разными выражениями лиц — всё это с точностью срисовали с фронтисписов и виньеток сутр из «Цзинчжунтан».

Гао Лян не успел выслужиться в этой волне подношений. Глядя на свитки, будто выданные из-под одной кисти, он лишь тайно презирал соперников в душе: «И не стыдно им выслуживаться перед знатной супругой банальными копиями! Куда им до меня — я хотя бы додумался заказать совсем новую картину с бессмертными!»

Пока он строил планы в стенах дворца, его приемный сын и племянник Гао Цянь усердно сбивал ноги снаружи. В дни праздника Сяюань он велел скупать абсолютно все цветные лубки и подражания стилю красавицы Цуй, какие только появлялись на рынке. Сравнив их, он собрал лучших мастеровых и повелел им написать картину с бессмертными, имитируя стиль красавицы Цуй.

Большое полотно требовало слишком много времени, поэтому сначала они нарисовали несколько одиночных портретов, чтобы передать их на оценку отцу.

Мастера давно набили руку на копировании, к тому же заказ исходил от евнуха из Управления церемоний, поэтому они старательно вырисовывали каждую деталь и наклеили свитки на шелковую основу, прежде чем доставить в усадьбу Гао. Вернувшись со службы, Гао Цянь разворачивал свитки один за другим, намереваясь отобрать лучший для показа отцу.

Но стоит ли говорить, в какую ярость он пришел, едва развернул их — едва не порвал картины на куски! На одном свитке в венце-лотосе и желто-коричневой накидке был изображен Лю Бэй;

на другом, в черном венце и сине-коричневой мантии — Цао Цао; на третьем, в золотых доспехах и золотом венце — Чжао Юнь; на четвертом — госпожа Чжэнь в наряде даосской монахини... А один халатный мастер даже не потрудился сменить одежды: он попросту перерисовал образ Гуань Юя из издания «Шесть гениев», приписал титул «Явивший чудеса, праведный, храбрый, умиротворяющий и благодетельный царь» и выдал это за лик Гуань Юя!

Разве можно было показывать такое отцу? Разве можно было преподнести это императору?

Это было даже хуже, чем если бы они просто заказали список с образа Будды!

В гневе швырнув свитки на пол, он вернулся в военные гарнизоны, но всё никак не мог успокоиться. Он гневно жаловался товарищам, что в наши дни среди торговцев слишком много жуликов, раз они дерзают обманывать даже евнухов! Другие офицеры Цзиньвэй, также бывшие приемными сыновьями и племянниками дворцовых евнухов, в ярости подхватили:

— Неужели есть такие дерзкие негодяи? Ладно остальное, но с образом императора Гуаня они совсем перешли грань! Неужели мы, Цзиньвэй, будем терпеть эту обиду? Схватить его!

— Нельзя! Цветопечатных лавок всего несколько штук. Ходят слухи, что лавка, нарисовавшая госпожу Чжэнь, собирается выпустить «Легенду о богине реки Ло», а та, что нарисовала императора Гуаня, готовит альбом с две двумя сестрами Цяо. Схватим их — и потом ничего не купишь!

В военных гарнизонах одни подливали масла в огонь, другие старались утихомирить страсти. Слухи постепенно расплзались и в конце концов дошли до Се Ина, который в тот момент надзирал за учениями офицеров Переднего полка.

Услышав, что речь идет о приемном сыне евнуха Гао, Се Ин невольно вспомнил тот день, когда вместе с евнухом Гао ездил за пределы столицы для оглашения императорского указа. В тот день Цуй Се стоял во дворе в платье ученого-конфуцианца и смотрел на них со взором, полным глубокой признательности. Позже, узнав, что именно Се Ин выхлопотал для него высочайшую похвалу, юноша чуть не пал перед ним на колени прямо посреди двора, а перед отъездом отчаянно жаждал преподнести им хоть что-то в знак благодарности.

А затем он подарил ему два портрета, притом выполненных куда более искуснее, чем те, что достались другим.

Если бы Цуй Се узнал, что евнуху Гао требуется картина для подношения императору, не написал бы он и для него такой же образ божества или бессмертного, готовый, казалось, вот-вот сойти с полотна?

Однако в глазах образованных мужей связь с евнухами навсегда замарала бы репутацию. К тому же за Цуй Се и без того тянулась пикантная слава, отчего он и сам не желал раскрывать свое истинное имя, продолжая писать под чужим псевдонимом. Если он ради евнуха Гао создаст картину с бессмертными, разве все предыдущие предосторожности не пойдут прахом?

С другой стороны, Цуй Се был человеком прямым и честным. Если бы он узнал, что евнух Гао когда-то нуждался в его помощи, а он не смог помочь, не стал бы он мучиться чувством вины и искать способа искупить этот «долг»?

В делах двора и государства подобные порывы духа наиболее опасны. Не забыть о том, как граф Вэйнин, обладавший великим непререкаемым авторитетом и ратными заслугами, в итоге оказался разжалован лишь потому, что был втянут в дела Ван Чжи...

В следующий раз, встретившись с Гао Цянем, Се Ин словно бы невзначай упомянул о Шести гениях, комментирующих «Троецарствие», чем спровоцировал собеседника на новую волну ругани в адрес нерадивых художников.

Терпеливо выслушав его, Се Ин с улыбкой произнес:

— Раз евнух Гао желает преподнести картину императору, следует выбрать кисть прославленного мастера, к чему так упорствовать на работах красавицы Цуй? К тому же, на мой взгляд, картины этой мастерской воспроизвести не так уж сложно, да и на рынках продается примерно то же самое. Дело лишь в том, что сотник слишком торопил мастеров, вот они и сработали спустя рукава. Если отыскать действительно искусного живописца и дать ему писать не спеша, результат непременно будет превосходным. Если сотник не верит, я сам поручу найти художника и дать ему два месяца на тщательную работу и доработку деталей, так что к концу года вы точно получите достойную вещь.

Гао Цянь с сомнением ответил:

— Неужто и впрямь удастся отыскать? Я уже заставлял их перерисовывать, но стоит им отойти от оригинальных иллюстраций «Троецарствия», как лица у них выходят абсолютно неживыми.

Покачав головой, он со вздохом добавил:

— Слышал я, в Луаньчжоу есть некий Жуань Шэн, который тоже отменно подражает этому стилю. «Четыре красавицы» у тунчжи Чэня из Задней военной комиссии — как раз его кисти. Я даже ходил смотреть: сработано точь-в-точь как у красавицы Цуй! Жаль только, мастер пропал несколько месяцев назад, и где его искать — неизвестно. А если и найдем, боюсь, он, как и прочие ремесленники, без оригинала перед глазами не сумеет передать столь живые лики...

<http://bllate.org/book/18372/1761310>